

ПУШКИНСКИЙ КАНОН
В «ЭЛЕГИИ» АЛЕКСАНДРА ВВЕДЕНСКОГО

Олег Лекманов
(Москва)

В отличие от всех других взрослых произведений Александра Введенского, его знаменитая поздняя «Элегия» (1940), на первый взгляд, производит впечатление почти прозрачно ясного текста:

Так сочинилась мной элегия
О том, как ехал на телеге я.

Осматривая гор вершины
их бесконечные аршины,
вином налитые кувшины
весь мир, как снег, прекрасный
я видел темные потоки
я видел бури взор жестокий
и ветер мирный и высокий
и смерти час напрасный.

Вот воин плавая навагой
наполнен важною отвагой
с морской волнуемой влагой
вступает в бой неравный.
Вот конь в могучие ладони
кладет огонь лихой погони
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Где лес глядит в полей просторы
в ночей неслышные уборы
а мы глядим в окно без шторы
на свет звезды бездушной.
в пустом смущенье чувства прячем
а в ночь не спим томимся плачем,
мы ничего почти не значим
мы жизни ждем послушной

Нам восхищенье неизвестно
нам туго пасмурно и тесно,
мы друга предаем бесчестно
и Бог нам не владыка.
Цветок несчастья мы взрастили,
мы нас самим себе простили,
Нам тем кто как зола остыли
Милей орла гвоздика.

Я с завистью гляжу на зверя
ни мыслям, ни делам не веря
умов произошла потеря
бороться нет причины
Мы все воспримем как паденье
и день и тень и наслажденье
и даже музыки гуденье
не избежит пучины.

В морском прибое беспокойном
в песке пустынном и нестройном
и в женском теле непристойном
отрады не нашли мы.
беспечную забыли трезвость
воспели смерть воспели мерзость

воспоминанье мним как дерзость
за то мы и палимы.

Летят божественные птицы
их развеваются косицы
халаты их блестят как спицы
в полете нет пощады
Они отсчитывают время
Они испытывают бремя
пускай бренчит пустое стремя
сходить с ума не надо.

Пусть мчится в путь ручей хрустальный
пусть рысью конь спешит зеркальный
вдыхая воздух музыкальный
вдыхаешь ты и тленье.
возница хилый и сварливый
в последний час зари сонливой
гони гони возок ленивый
лети без промедленья.

Не плещут лебеди крылами
над пиршественными столами
совместно с медными орлами
в рог не трубят победный.
Исчезнувшее вдохновенье
теперь приходит на мгновенье
На смерть! На смерть! держи равненье
поэт и всадник бедный¹.

Однако уже на второй взгляд простота «Элегии» оборачивается *иллюзией* простоты, подобно тому, как мучительной сложностью часто оборачивается видимая простота самой жизни (что, собственно, и составляет полускрытый сюжет стихотворения Введенского).

Так, среди примитивных (в двух строфах — так даже глагольных) рифм «Элегии», отразивших «попытки языка во что бы то ни было» спарить все рифмующиеся слова², отчетливо выделяются две вполне изысканные — составные рифмы («элегия» — «телеге я» и «нашли мы» — «палимы»).

Отчасти сходным образом предельно простые, выполненные как бы в технике примитивистской живописи пейзажи, мелькающие перед глазами едущего на телеге лирического героя, чередуются в «Элегии» с изощренными, почти сюрреалистическими ландшафтами. Такова, в частности, картинка, набросанная в строках:

Вот конь в могучие ладони
кладет огонь лихой погони
и пляшут сумрачные кони
в руке травы державной.

Я.С. Друскин убежденно писал, что «могучие ладони» здесь — «это копыта коней»³. Но ведь можно интерпретировать цепочку образов, протянутую в процитированных строках, и совершенно по-иному: конь несется очень быстро, поводья в руках всадника натянуты до отказа, его ладони сжимаются в кулаки, всадника охватывает «огонь» «погони».

Наконец, и жанр-заглавие стихотворения Введенского, идеально выдержанный на протяжении почти всего текста, к финалу неожиданно смещается в сторону страшной немецкой баллады, в духе классического «Лесного царя» Гете:

На смерть! На смерть! держи равненье
поэт и всадник бедный.

¹ Введенский А. Всё / Сост., подгот. текста, вступ. статья и примеч. А. Герасимовой. М., 2010. С. 261–263.

² Герасимова А. Об Александре Введенском // Введенский Александр. Всё. С. 24.

³ Цит. по: Герасимова А. Примечания // Введенский Александр. Всё. С. 326–327.

Ощущение иллюзорной простоты текста, неизбежно возникающее у читателя «Элегии», дополняют и легко угадываемые ключевые подтексты стихотворения, функция которых в итоге оказывается далеко не тривиальной.

Главным из этих подтекстов, как отметила К. Ичин⁴, послужила пушкинская «Телега жизни»:

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И, дремля, едем до ночлега —
А время гонит лошадей.

Введенский не просто откровенно варьирует фабулу «Телеги жизни», но и в обычной для себя игровой манере дополняет «пушкинскую» рифму («бремя» — «время») напрашивающимся созвучием из школьного учебника русского языка («стремя»), а еще одно существительное третьего склонения из этого же ряда помещает совсем неподалеку («путь»). Игра с «пушкинскими» рифмами подхватывается в финале «Элегии», где рифма «вдохновенье» — «мгновенье» почти наверняка призвана напомнить читателю о «рифмующихся» зачине и финале одного из самых известных стихотворений Пушкина («Я помню чудное мгновенье» — «И божество, и вдохновенье»).

Было уже давно замечено (Г.А. Левинтоном), что словосочетание, которым завершается «Элегия» («всадник бедный») представляет собой контаминацию «Медного Всадника» и «рыцаря бедного»⁵. Взгляд на стихотворение Введенского сквозь «магический кристалл» пушкинской поэзии позволяет и в первых его строках разглядеть пейзаж, сходный с тем, что был набросан в одном из элегических шедевров Пушкина («На холмах Грузии лежит ночная мгла; / Шумит Арагва предо мною...» у Пушкина — «Осматривая гор вершины / <...> / Я видел темные потоки» у Введенского⁶).

А строки о «воине» и «морской волнующейся влаге» из следующей, второй строфы «Элегии», возможно, восходят к памяtnому всем с детских лет фрагменту «Сказки о царе Салтане»:

Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге —
И останутся на бреге
Тридцать три богатыря...

Сам же образ моря, как нам кажется, возник в «Элегии» Введенского не только потому, что это второй основополагающий кавказский топос после гор (встречающийся, ра-

⁴ Ичин К. Заметки к разбору «Элегии» А. Введенского // Wiener Slawistischer Almanach. 2002. Bd. 50. S. 225–226.

⁵ См.: Мейлах М.Б. Примечания // Введенский А. Полное собрание произведений: В 2 т. / Вступ. ст. и примеч. М. Мейлаха, сост. и подгот. текста М. Мейлаха и В. Эрля. Т. 2. М., 1993. С. 199.

⁶ О переключке этих строк Введенского с его собственным стихотворением «Мне жалко что я не зверь...» см.: Мейлах М.Б. Примечания. С. 199.

зумеется, и у Пушкина), но и как реализация метафоры «житейское море» из программной пушкинской «Элегии»:

Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье.
Но, как вино — печаль минувших дней
В моей душе чем старе, тем сильней.
Мой путь уныл. Сулит мне труд и горе
Грядущего волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать;
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать;
И ведаю, мне будут наслажденья
Меж горестей, забот и тревоженья:
Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть — на мой закат печальный
Блеснет любовь улыбкою прощальной.

Как представляется, в «Элегии» Введенского реализована еще одна метафора из этого стихотворения («Мой путь уныл»), а вот пушкинский финал у Введенского оспаривается. Если первая «Элегия» завершается нотой, пусть меланхолической, но все же — надежды («И может быть — на мой закат печальный / Блеснет любовь улыбкою прощальной»), во второй «Элегии» — «в последний час зари сонливой» телега жизни неуклонно несется к смерти, а чуть выше констатируется, что «в женском теле непристойном // отрады не нашли мы»⁷.

Подведем напрашивающийся итог: перефразируя замечательную работу об одном из самых изощренных виртуозов цитатной игры, можно констатировать, что «перекличка с классическим<и> образц<ами>» в «Элегии» Александра Введенского «включает элемент развития, усложнения и полемики»⁸.

⁷ Ср. со сходными рассуждениями в статье К. Ичин: *Ичин К.* Заметки к разбору «Элегии» А. Введенского. S. 226.

⁸ *Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина. СПб., 2004. С. 61.